

Театр, жизнь и кое-что другое

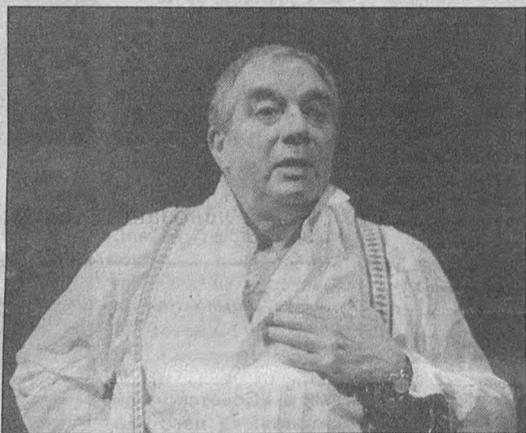
Спектакль по пьесе Ганны Слущки «Поэма эмигранта» в частной антрепризе Леонида Трушкина «Театр Антона Чехова» идет уже второй сезон. Но так случилось, что на премьеру я не попала, а потом все было недосуг. И вдруг узнаю, что одну из ролей играет популярный артист Зиновий Высоковский, давно покинувший Театр сатиры и выступающий последние годы исключительно на эстраде. Пропустить такое было невозможно.

Наталья БАЛАШОВА

Переполненный зал (впрочем, как всегда на спектаклях Л. Трушкина) Театра Вахтангова. На сцене выжженные пальцем солнцем камни Тель-Авива - крутая лестница, по двум ее сторонам терраски маленького кафе, а под ней более чем скромные обиталища эмигрантской бедноты (художник Борис Валуев). Перед нами разыгрываются горькие истории обездоленных людей, вынужденных перебиваться случайными заработками, но рассказанные автором с добрым юмором, искренней любовью к своим героям, пониманием их проблем и почти «рождественским» счастливым концом. (Недаром на программке приведена цитата из сказки Шарля Перро «Золушка».)

Странная вещь: в отличие от всех остальных спектаклей этого театра, где обязательно в центре стоят одна-две «звезды», вокруг которых крутится как сюжет, так и остальная масса персонажей, здесь - отличный ансамбль, никто из актеров не «тянет одеяло на себя», хотя состав сборный, из разных театров, с достаточно известными именами: Вера Глаголева, Владимир Меньшов, Ольга Волкова, молодая, но уже отмеченная Чулпан Хаматова, Григорий Данцигер. На сцене царит атмосфера живой человеческой жизни, а не зрелища напоказ.

Здесь, можно сказать, все равны: каждый персонаж своей судьбой дополняет жизненные истории остальных и каждый бывает счастлив и несчастлив по-своему. Но есть среди них один, не наделенный даже именем собственным, а названный просто Скрипач, который, наблюдая окружающую его действительность, дает ей своего рода философское обоснование, простое и мудрое, как все житейское, и объединяет тем самым людей. Этот персонаж и есть герой Зиновия Высоковского, стоящий последним в списке действующих лиц, но являющийся по сути стержнем всего спектакля, его добрым духом, посредником между сценой и залом.

- Зиновий Моисеевич, - обратилась я после спектакля к артисту, - как случилось, что вы, долгое время не связанный ни с каким театром, вдруг снова оказались на драматической сцене, да еще в такой отличной форме, как будто не было в вашей творческой жизни столько чисто эстрадных лет?

- Я все-таки верю, что Бог есть. Говорю вам чистую правду. 1 февраля 1988 года я ушел из Театра сатиры, а 1 февраля 1998 года, день в день десять лет спустя, мне позвонил Леонид Григорьевич Трушкин и предложил срочный ввод в свой спектакль «Поэма эмигранта» в связи с болезнью прекрасного петербургского актера Равкивича, играющего у него Скрипача. Времени было в обрез - 9-го спектакль. Для меня - премьеры. Репетировали на дому, без декораций, в ситуации, прямо скажем, экстремальной. Я спрашиваю Трушкина, откуда пришла ему мысль пригласить меня. Как-то так, в голову пришло, отвечает он, никто не подказывал. Значит - это от Бога.

- И сразу вернулось ощущение себя как актера драматического театра?

- Но я же не бросал заниматься своим делом. Все мои эстрадные программы - это своего рода моноспектакли. А роль Скрипача как-то так построена автором, что она и связующая, и философская, и очень мне близкая по моим сегодняшним убеждениям и настроению.

- А за те десять лет, что вы работали вне театра, вам не приходилось участвовать в других драматических спектаклях?

- Нет, почему не приходилось? Была, например, такая пьеса драматурга Буравского «Нет ли у вас другого глобуса?». В 1992 - 1993 годах по ней сделали спектакль тоже по сути антрепризный. Я играл в нем. Случались и другие предложения. Но все это было как-то не то. А тут ко всему прочему еще и выход на сцену Театра Вахтангова, школу которого я окончил. Все мы, «щучины дети», в свое время только и мечтали, чтобы выпало нам счастье выйти когда-нибудь на эти подмостки, выше которых для меня лично нет ничего на свете.

- Я пристально слежу за всем, что делает Трушкин, видела все его спектакли за исключением, может быть, одного-двух и прихожу к выводу, что «Поэма эмигранта» существенно отличается от остальных его постановок как по части драматургии, так и по режиссерскому решению, подбору актеров. Здесь нет ярко выраженного принципа «кассовости» во что бы то ни стало, центральной «звезды», ради которой взята пьеса. Когда вы были с этим спектаклем в Израиле прошлым летом, довелось ли вам встретиться с автором Ганной Слущки?

- Предыстории постановки «Позы эмигранта» я не знаю, но чувствую, что написана пьеса кровью сердца. Слущки сама эмигрантка, живет в Израиле уже лет семь-восемь, работает в газете. И, кстати сказать, образ моего героя Скрипача списан с постоянного персонажа по имени Соломон, который фигурирует на страницах газеты Ганны Слущки. Этот придуманный ею Соломон ведет с читателями беседы на самые разные темы. Ганна дала мне много его монологов, из которых я кое-что почерпнул для себя.

Образ этот по сути очень глубокий. Ведь что происходит? В Канаде, Соединенных Штатах, Австралии, самом Израиле, где я за последнее время побывал со своими сольными концертами, российских эмигрантов еврейского происхождения называют русскими. И не без основания. Потому что они воспитаны на русской культуре, говорят и думают по-русски. А в России, где они родились, их называют евреями и при этом говорят: убирай-

тесь в свой Израиль. Получается заколдованный круг. И где выход? Это же горе, от которого некуда деться? Когда я в 90-м году в первый раз со своим моноспектаклем оказался в Израиле, а до этого объехал почти полмира, я думал, что наконец-то попал на землю обетованную. Но увидел там совсем не то, что ожидал. Толпы людей с детьми, сумками, чемоданами, авоськами. С ними говорят на непонятном им языке, их сортируют: одни - направо, другие - налево. Не эмиграция, а какая-то эвакуация. Вообще это горькая тема... Евреи, русские, русскоязычные...

Вот мне запомнилась одна знаменательная ночная беседа с покойным Евгением Леоновым в Полтаве.

- И что же это была за беседа, да еще ночная?

- Было это давно. Леонова и меня пригласили принять участие в каком-то грандиозном праздничном представлении на стадионе в Полтаве. Это тогда часто практиковалось, а для нашего брата актера было неплохим дополнительным заработком. Но оказалось, что у них там что-то изменилось по срокам и нас попросили подождать три дня. Поселили в каком-то «гостевом» домике, говорили что в хрущевском, оставили на три дня еды, «кечушки» и все прочее. Вот мы там все три дня ели, пили и беседовали. Леонову как раз дали перед тем звание народного артиста СССР. И он мне рассказывает, что пригласил его к себе тогдашний всеисильный телевизионный глава Лапин и спрашивает, что бы он хотел сыграть на телевидении. А Леонов ему: «Тевье-молочника». В ответ - молчание. Леонов опять: хочу Тевье. Лапин - ни гу-гу. Такой вот парадокс, говорит мне Леонов. А я ему на это: «Женя, а ты не видишь другого парадокса?» Он: «Какого?» Я: «Ты, замечательный русский актер, мечтаешь сыграть Тевье-молочника, героя великого еврейского писателя Шолом-Алейхема. А я, Зиновий Высоковский, сижу рядом с тобой и даже не мечтаю об этой роли, хотя, по-честному, мог бы сыграть лучше тебя». Леонов: «Это почему?» Я: «Какая основополагающая фраза у Тевье? - «Что слышно насчет холеры в Одессе?» Леонов: «Вот я и скажу: «Что слышно насчет холеры в Одессе?». Я ему: «И я скажу тоже, но только мне зритель безоговорочно поверит, потому что на мне стоит та самая пятая графа, что и на Тевье, и на самом Шоломе Нахумовиче Рабиновиче, взявшем псевдоним Шолом-Алейхем».

Такая вот была теплая, украинская, полтавская ночь и такая наша беседа. А потом появился Тевье-молочник Михаила Александровича Ульянова, которому разрешили это сыграть, а затем и Марк Захаров поставил его у себя для Жени. И оба играли замечательно, но все-таки, с моей точки зрения, «Тевье-молочник», каким он по-настоящему должен быть, у нас еще не поставлен.

- Но мы несколько отвлеклись от основной темы нашей беседы.

- Нет, это все по теме, по теме моего Скрипача, Соломона, из «Позы эмигранта». Я вообще считаю, что у фашизма, у бандитизма нет национальности, как нет его у голода. Помните, мой Скрипач рассказывает про старуху, которая, чтобы получить в Израиле пенсию, выдала себя за Эсфирь Соломоновну Кантор, хотя на самом деле она наголодавшаяся на Украине Евдокия Трофимовна Колотун. «Так я ее не осуждаю. Голод не имеет национальности», - говорит мой герой, и зал замирает на этой реплике.

- Зиновий Моисеевич, ощущаете ли вы разницу между нынешним зрительным залом и доперестроечным, между российским и зарубежным?

- Нет. Я артист, а в нашей профессии главное - это контакт от сердца к сердцу. Протянулась ниточка, и зал - твой. Знаете, как имел обыкновение говорить композитор Дмитрий Яковлевич Покрасс? «Стоит мне дойти до рояля, и она - моя». Он имел в виду публику, зал. Только ведь теперь не всегда доходишь до рояля. Я для себя сейчас мало выхожу на публику, а мог бы работать куда больше.

Последнее время меня не покидает ощущение, что все мы нормальные люди - и на сцене, и в зале, а живем почему-то в огромном дурдоме. Мне кажется, что в России сейчас происходит обостренная борьба между селитантами и профессионалами. Побеждают, увы, дилетанты. Не может великая страна жить на таком уровне... Вся Россия засыпала на судорожно-напряженном «праздничном» новогоднем телевидении. Казалось, что кто-то специально придумал все это для дебилов. И ругать некого... Помните, у Станислава Ежи Леца в «Непричесанных мыслях» есть высказывание: «Зачем вы ругаете этого писателя? Он сделал полезное дело: он снизил общий уровень!» Но окончательная победа, я уверен, за профессионалами!

- А что бы вы сказали своим зрителям в наступившем новом году?

- Я скажу опять же словами своего героя: «Ну, что же, уважаемые, я хочу, чтобы вы прежде всего по нынешним временам благополучно добралесь отсюда до дома, а завтра так же благополучно от дома до работы. И вообще разрешите пожелать вам только одного, чтобы вы у меня все были здоровенькие».

- Спасибо, Зиновий Моисеевич, от имени всех ваших зрителей, слушателей и почитателей. Постараемся следовать вашему пожеланию, тем более что и болеть-то нынче слишком накладно для простого человека. А вам желаю в новом году новых ролей, новых поездок, новых успехов. И тоже будьте, пожалуйста, здоровенькими.

На снимках: Скрипач - З.Высоковский; сцена из спектакля «Поэма эмигранта».

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Моск. правды - 1999 - 81-82-83 - С.6